

Писатели и судьбы. Макаренко и Чуковский

К 80-летию со дня кончины
А.С. Макаренко

А.А. Абаринов,
биограф педагога-писателя
Антоня Макаренко,
Киев, Украина

Воспоминания о Макаренко его современников представляют большую информационную ценность — таким образом мы больше узнаём о характере писателя-педагога, его привычках, его окружении, событиях, ставших затем главой его повести или примером для педагогической статьи. В этой связи представляется необходимым рассказать о встречах Макаренко и Чуковского.

• Макаренко • Чуковский • педагог-писатель

I.

Корней Иванович Чуковский (1882 — 1969) — замечательный поэт, прозаик, переводчик, литературовед и журналист, родился в Санкт-Петербурге, а своё детство провёл в Николаеве и Одессе. Как публицист и литературный критик, он стал известен ещё в дореволюционной России; тогда же он впервые проявил себя как детский писатель — в 1916 году Чуковский сочинил сказку «Крокодил», принёсшую ему известность.

После революции выходят его знаменитые «Мойдодыр» и «Тараканище», «Бармалей». Они и сегодня популярны, их издают большими тиражами.

В те времена, однако, обнаружилось, что не все сказки отвечали задачам советской педагогики: 1 февраля 1928 года орган ВКП (б) газета «Правда» опубликовал статью замнаркома просвещения РСФСР Н.К. Крупской «О "Крокодиле" Чуковского»:

«Такая болтовня — неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником — весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, "Крокодила" ребятам нашим давать не надо...», писала Крупская.

С подачи преданных партии критиков и редакторов был даже придуман термин —

«чуковщина»; писателя заставляют «отречься» от старых сказок. Подействовало! В декабре 1929 года в «Литературной газете» он опубликует письмо о собственных ошибках и заявит о намерениях изменить направление своего творчества — написать сборник стихов «Весёлая колхозия».

Вот такой поворот — правда, про колхоз он так и не написал...

II.

Антон Семёнович Макаренко (1888-1939) — если верить настольной книге каждого советского учителя [«А.С. Макаренко. Педагогические сочинения в восьми томах». М. «Педагогика», 1986.] нигде ни единым словом не упоминает о Чуковском. Однако это вовсе не означает, что педагог-писатель ничего не знал об авторе «Крокодила» или что они никогда не встречались. Причиной таких «пробелов» в биографии — и не только в случае с Чуковским, является скрупулёзная чистка сочинений, писем, даже записных книжек Макаренко после его кончины «комиссией по литературному наследию» в лице супруги Макаренко — Галина Стахивна собственноручно цензурировала архив, определяя ценность статей, уничтожая заметки и ремарки Макаренко, письма друзей и его заметки о них, которые, как ей казалось, навредят мужу и после смерти.

Скорее всего, Чуковский был для неё нежелательным персонажем при сооружении величественного памятника рано умершему Антону Семёновичу — помимо упомянутой выше негативной оценки сказочника, 1 марта 1944 года в газете «Правда» вышла статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского». В ней писателя представляют как «сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотиз-

ма». В 1960-е годы К. Чуковский задумал пересказ Библии для детей! Это, наверное, и стало последней причиной в устранении вдовой его имени из списка друзей А.С. Макаренко. Чуковского нет даже в «Сводном указателе имён», помещённом Редколлегией в 8-ом томе упомянутых сочинений!

Или, например, Антон Семёнович и Чуковский вместе отдыхали в санатории Комитета содействия учёным им. Горького в Кисловодске. Корней Иванович ссылается на это в своей статье о А.С. Макаренко, описывает их беседы о русских писателях и даже упоминает о некоем письме Антона Семёновича к жене от 5 ноября 1938, в котором тот описывает эти беседы.

Однако после приведения архива писателя-педагога в порядок «комиссией» в изданных после его смерти работах этих фактов нет!

III.

Напомню, что Макаренко, так же как и Чуковский, стал объектом критики Н.К. Крупской — та резко раскритиковала его на VIII съезде комсомола в мае 1928 года, обвинив в отступлении от партийных постановлений, внедрении самоуправления, назвала систему Макаренко «идеологически вредной», переквалифицировала дисциплину в колонии в «жестокость и рукоприкладство». Только восторженные оценки А.М. Горького, посетившего Куряжскую колонию летом того же года, позволили конфликту утихнуть.

Всё это не могло не отразиться на здоровье педагога-писателя. Именно тогда он впервые переносит приступы «грудной жабы» как тогда называли стенокардию, которые с годами и ослабленным режимом макаренковского трудового дня становились всё более нестерпимыми. Лечивший его терапевт сообщает: «Видно, много было у него

передряг. Ему нужен полнейший покой. А он варварски теребит своё сердце. Не лечит его, а калечит. Работает с рассвета до вечера».

Однако к лечению он смог приступить только в Киеве, вырвавшись туда из колониальных стен.

IV.

Как известно, Макаренко в свои 47 лет был направлен в распоряжение НКВД УССР, получил должность помначотдела трудколоний, две серебряных звёздочки в петлицы, пистолет ТТ и 3-комнатную квартиру в новом доме НКВД в самом центре города, на улице Леонтовича, 6А [А. Абаринов, Г. Хиллиг. «Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко. 1935 — 1937». Марбург, 2000]. Однако события на службе заставили его уже через год, 14 июля 1936 года, подать рапорт об увольнении со службы в НКВД; он страшно загружен в Отделе трудколоний, это не даёт ему возможность закончить «Педагогическую поэму», написать и отправить к сроку её главы, обещанные московским журналам — «есть некоторые осложнения, которые отнимают и день и вечер, а иногда и ночь» [ПС, т. 8, с. 64 — 65].

Киев и его сосновые пригороды — Ирпень, Буча, Ворзель издавна слыли курортами для «сердечников». Сюда приезжали на лечение и отдых москвичи и ленинградцы. «Река Ирпень изобилует живописными уголками и удобными местами для охоты и рыбной ловли. Для купанья также очень хороша; на берегу устроены купальни, можно устраивать прогулки на лодках в соседние селения».

Б. Пастернак, лучший поэт Советского Союза (по оценке Н. Бухарина) и будущий сосед А.С. Макаренко по Лаврушинскому переулку, писал своей сестре в 30-е из Ирпеня: «Новые знако-

мые сманили нас на это лето под Киев и сняли нам дачу там. ...всеобщее мнение, что с продовольствием на Украине всё же будет лучше, чем на севере».

Вот там, в Ирпене, дачник Корней Иванович и нашёл дачника Антона Семёновича!

V.

Вот так встреча!

«...на пороге с кукурузным початком в руке появился Антон Семёнович, и я сразу признал в нём Макаренко», — вспоминает Чуковский. Антон Семёнович «был действительно очень похож на комиссара эпохи гражданской войны: немногословный, строгий, уверенный в себе человек, без лишних жестов и суетливых улыбок. Приветствуя меня с самым сердечным радушием, он не потерял в то же время своей сановитой степенности. В эту первую минуту нашей встречи мне почудилось в нём что-то непреклонное, несокрушимое, властное...» [К.И. Чуковский. Собрание сочинений в 15 томах. М., Терра-Книжный клуб, 2001 г. Т. 5].

Дача, которую помначотдела снял на сезон, была заполнена до краёв; Макаренко отдыхал в Ирпене с семьёй — жена, её сын Лев Салько, Олимпиада(15), дочь родного брата Антона Семёновича, находившаяся у Макаренко на воспитании; к тому времени у них было две домработницы, в обязанности которых входили базар, кухня и уборка помещения. Макаренко 2 июня 1936 информирует Льва Салько, что его московская редактриса, член ВКП (б) с апреля 1917 года Рахиль Ковнатор, привезёт в Ирпень на всё лето свою дочку, восьмиклассницу Зою, и просит о внимании и заботе [РГАЛИ, 332-5-53, лл. 1 — 2].

Помимо всего, нагрянувший с визитом Корней Иванович обнаруживает на даче у Макаренко нескольких элегантных молодых людей с барышнями, которые в отсутствие патрона занимают его некоторое время беседой, как он пишет — «словно в светской гостиной»... [К.И. Чуковский. Собрание сочинений в 15 томах. М., Терра-Книжный клуб, 2001 г. Т. 5].

Чуковский очарован.

VI.

Напомню, что Чуковский ещё в 1903 году поехал в Лондон за счёт редакции «Одесских новостей» как корреспондент. Ему было 20, он основательно ознакомился с английской литературой — прочитал в оригинале Диккенса, Теккерея. Изучив язык, в 1907 году Чуковский опубликовал переводы Уолта Уитмена, ставшие популярными, что увеличило известность Чуковского в литературной среде.

Но вернёмся в Ирпень...

Обходительность молодых людей, которые встретились ему у Макаренко, напомнили Чуковскому оксфордских студентов и он сообщил об этом Антону Семеновичу.

«Правильно, — соглашается он, и в голосе его слышится украинский юмор. — Вон тот кучерявый — талантливейший вор-чемоданщик со станции Лозовая, под Харьковом. Уж на что знаменитые воры работали всегда на Лозовой, а он был самый среди них знаменитый. А тот, в белых брюках, — всего лишь карманник, но тоже очень высокого класса». Он говорит это как самую обыкновенную вещь, словно и не подозревая, что она может вызвать во мне удивление.

Затем выдерживает долгую паузу и спокойно добавляет в том же тоне:

«А сейчас вон тот — медицинский работник. Неплохой из него выйдет хирург. А этот, в белых брюках, — уж будьте покойны: придет время, вы встанете в очередь, чтоб добыть на его концерты билеты.

Оба они — питомцы Антона Семёновича. Должно быть, приехали его навестить, потому что он уже несколько лет как отошел от своих трудколони. Их обоих он некогда спас от уголовной карьеры» [Там же.]

VII.

Вот эта подмеченная Чуковским ребячья «деликатность, привитая им Антоном Семеновичем: было ясно, что он требовал от них не только трудовой дисциплины, но и тонкой, задушевной учтивости», проявилась далеко не в бравурном эпизоде...

Корней Иванович вспоминал как на одном заседании потерял сознание — как говорится, «сомлел» — и очнулся лишь через час или два в киевской гостинице «Континенталь» у себя в номере.

«Я лежал в постели, и первый, кого я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Оказывается, он присутствовал на том же заседании Союза и, заметив, что мне стало дурно, отвез меня в гостиницу и вот уже столько времени сидит у моего одра как сиделка». И они нашли общую для себя тему — Горький! Чуковский писал о нём, да и для Макаренко Горький — «воплощение всего благородного, что только есть на земле.

Узнав, что я тоже встречался с Алексеем Максимовичем, он начинает настойчиво требовать самых подробных рассказов о нём. Узнав, что я тоже встречался с Алексеем Максимовичем, он начинает настойчиво требовать самых подробных рассказов о нём», — вспоминает Чуковский.

«И вдруг спохватывается: ведь, выполняя обязанности строгой сиделки, он должен обуздывать мою говорливость. Действительно, он иногда прерывает меня: "Помолчите, вам запрещено разговаривать!", но через минуту опять: «Расскажите еще!»

Благодарный Корней Иванович отмечает, что Макаренко «отдал немало часов самому деятельному уходу за мною. Его питомцы, бывшие коммунары Ключник, Салько, Терентюк, тоже приняли участие во мне и вместе с семьей моего друга, поэта Льва Квитко, поставили меня на ноги в несколько дней». [Там же]

VIII.

Они стали если не друзьями, то хорошими приятелями, и искренне обрадовались встрече в Кисловодске, куда не стовариваясь приехали в ноябре 1938 года.

Восхождение на знаменитую Крестовую гору отнимало у них больше часа. Макаренко был плох. По пути они делали привал на скамье у самого крутого подъема. «Отдых на этой скамье сам собою располагал к разговорам. Мы говорили о литературе, о Горьком, о Фадееве, об Алексее Толстом и с упоением читали друг другу стихи. Оказалось, что Антон Семенович — это было для меня неожиданностью — хорошо знает и любит поэзию, увлекается Тютчевым, может без конца декламировать Пушкина, Шевченко, Крылова, а также Багрицкого, Тихонова» [Там же].

Чуковский отмечает, что Макаренко не любил тех стихов, которые до слёз восхищали собеседника; того, в свою очередь, не возбуждали многие из любимых Макаренко книг. «Но нас объединяла любовь к «пацанам» (так именовал Антон Семёнович детей), и из-за неё мы охотно забывали о своих разно-

гласиях. Советские дети, их душевная жизнь, их будущее — об этом Антон Семёнович мог говорить до утра, ибо и после того, как он стал профессиональным писателем, в нем не умер педагог» [Там же].

Чуковский, трепетно относившийся к высказываниям малышей и написавший книгу «От двух до пяти», там же, в Кисловодске, Макаренко обязал его, как настоящего педагога, в новом издании книжки возможно сильнее подчеркнуть её воспитательные задачи и цели. Чуковский не согласился. «Никому не советую думать, будто здесь педагогика. Я не педагог, я писатель...»

«Вздор! — возмущался Макаренко. — Во-первых, всякий писатель всегда педагог, а во-вторых, вся ваша книга — хотите вы этого или не хотите — посвящена воспитанию детей. Пожалуйста, не притворяйтесь сторонним наблюдателем... У вас вся педагогика почему-то под спудом, в подтексте, вы словно конфузитесь, что вы педагог, — говорил он укоризненным голосом и настаивал, чтобы, излагая свои наблюдения над психикой малых детей, я выводил из этих своих наблюдений педагогические «надо» и «нельзя» [Там же].

Чуковский замкнулся. Писатели, дыша огнём, разошлись по палатам.

***

«Я возражал ему, но когда лет через пятнадцать (не раньше!) моя книжка была наконец разрешена для нового издания, я вспомнил укоризненный голос Антона Семёновича и всюду, где было возможно, попытался обнажить её педагогический смысл» [Там же].

В одном только 1958 году книга «От двух до пяти» вышла тиражом 400 000 экземпляров и мгновенно разошлась вся без остатка...

Вместо послесловия

Через полгода, 1 апреля 1939, Антон Семёнович Макаренко скончался от сердечного приступа.

Он и Чуковский награждены за свой писательский труд одним Указом Президиума Верховного Совета СССР — от 31 января 1939 г. Будущий полный кавалер Корней Чуковский тогда получил свой первый орден Трудового Красного Знамени. Для А.С. Макаренко этот орден тоже стал первым — и последним...

Литература

1. *Абаринов А., Хиллиг Г.* Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко. 1935 – 1937. Марбург, 2000.
2. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения в восьми томах. М.: «Педагогика», 1986. Т. 8.
3. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений в 15 томах. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. Т. 5.
4. Крупская Н. К. «О "Крокодиле" Чуковского». «Правда», 1 февраля 1928 г.